

Но эта нотка смягчения продержалась лишь ничтожно малую долю секунды, после чего её тут же накрыла ещё более глубокая темнота и самоирония.

— ...Ну и что с того? — он отвернулся, его приглушённый голос звучал с упрямством человека, которому уже нечего терять.

— Твоя бабушка очень переживала, — Вэнь Чэньцю по-прежнему спокойно смотрел на него, констатируя факт. — Она заявила в полицию. Сейчас полиция, твоя семья и я — все ищут тебя.

— Да ей просто плевать на меня, главное, что я опозорил её перед людьми!

Сюнь Хуо словно подожгли от этой фразы, и до сих пор сдерживаемые эмоции внезапно вырвались наружу.

Он резко повернул голову, глаза его покраснели, а в голосе зазвучали неудержимые рыдания и гнев:

— Она совсем не заботится обо мне! Ей нужен только «нормальный» внук, который сможет заработать для неё авторитет! Но я так не могу! Я не такой!

Он с вызовом ткнул себя в грудь, затем поднял запястье со следами запекшейся крови, и слёзы наконец хлынули из глаз, смешиваясь с пылью на лице и оставляя чёткие дорожки:

— У меня здесь... словно что-то горит! Рвёт на части! Я не могу успокоиться! Только... только когда мне больно, я могу... могу хоть немного вздохнуть!

Я говорил ей, что со мной что-то не так, я хотел сходить к врачу... А она обзывала меня мошенником! Говорила, что я притворяюсь больным!

Отчаяние и обида подростка, подавляемые столь долгое время, в этом пустом и заброшенном помещении выплеснулись без остатка перед этим мягким, но в то же время не слишком близким учителем.

Вэнь Чэньцю молча слушал, на его лице не было ни шока, которого ожидал Сюнь Хуо, ни жалости, ни стремления тут же начать поучать и наставлять на путь истинный.

Он просто тихо стоял, глядя на дрожащие плечи подростка и бросающиеся в глаза шрамы на запястьях.

Когда плач Сюнь Хуо постепенно перешел в сдвоенные всхлипывания, Вэнь Чэньцю заговорил — его голос оставался ровным и почти пугающе рациональным:

— Твою боль я увидел.

Сюнь Хуо поднял заплаканное, затуманенное слезами лицо и растерянно посмотрел на него.

Вэнь Чэньцю продолжил ясным тоном:

— Но справляться с этим с помощью исчезновения и причинения вреда себе — крайне неэффективно.

Это временно приносит тебе мгновения покоя, но следом за этим приходит ещё больше проблем. Паника твоей бабушки, пустая трата полиции и общественных ресурсов, необратимый ущерб твоему собственному здоровью и...

Он сделал паузу и прямо посмотрел на Сюнь Хуо:

— То смущение, с которым тебе придется столкнуться сейчас, когда я тебя нашёл.

Эти слова, совершенно выбивающиеся за рамки обычного утешения или нотаций, заставили Сюнь Хуо полностью ошарашить.

В его воспоминаниях учитель Вэнь всегда был мягким, терпеливым, с уютной улыбкой на губах для каждого; в школе едва ли нашлись бы учителя или ученики, которые его не любили.

Но сейчас учитель Вэнь, стоявший в лучах заката посреди обветшалого цеха, хотя и лишился своей привычной улыбки, смотрел на него всё так же мирно, даже... чересчур мирно.

Настолько мирно, словно они обсуждали решение задачи по математике, а не разрушающийся изнутри внутренний мир ученика.

Эта странная, леденящая невозмутимость неожиданно остудила часть бушующих эмоций Сюнь Хуо, позволив его хаотичному разуму на мгновение проясниться, и его защитная реакция невольно ослабла.

Он тупо смотрел на Вэнь Чэньцю, его губы шевелились, и в конце концов с сильным носовым оттенком он выдавил:

— ...Тогда...

— Что мне делать?

Вэнь Чэньцю смотрел на растерянного и беспомощного подростка перед собой, и в глубине его

глаз мелькнуло сложное чувство.

Он медленно заговорил, и его голос разнесся под сводами пустого цеха:

— Если тебе нужно нетронутое... тихое пространство и время, мы можем попробовать составить более эффективный план.

Глаза Сюнь Хуо слегка расширились.

— Например, в какой-то определенный отрезок времени на выходных ты можешь приходить сюда и оставаться на пару часов. Но при условии, — Вэнь Чэньцю пристально посмотрел на Сюнь Хуо, — что ты будешь предупреждать меня заранее.

— В обмен на это, — продолжал он тем же ровным голосом, — дома и в школе тебе придется функционировать нормально.

Вовремя приходить в школу, справляться с учебой, ужинать дома, общаться с бабушкой так, чтобы не провоцировать конфликты.

Сюнь Хуо окончательно замер, слёзы всё ещё висели на ресницах, и он напрочь забыл их вытереть.

Он представлял себе бесчисленное множество сценариев после того, как его найдут: разъярённая бабушка, отчитывающие полицейские или уставшие и разочарованные увещевания учителя... но он никак не ожидал ничего подобного.

Это походило на... сделку.

Как ни странно, условия этого грубого, неправомерного «договора» были лишены фальшивой жалости и пустых подбадриваний, зато давали ему ощущение беспрецедентного... облегчения.

Словно он не «проблемный ребёнок, которого нужно исправить», а просто отдельный человек, столкнувшийся с трудностями и ищущий пути их решения.

— ...За... зачем тебе говорить? — услышал Сюнь Хуо собственный хриплый голос, в котором всё ещё теплилась капля подозрительности.

— Ты же расскажешь бабушке... и полиции.

— Это всего лишь моё предложение.

Вэнь Чэньцю ответил равнодушно, без единой эмоции в голосе:

— Ты можешь выбрать согласиться и получить законное, тихое время, где тебя никто не потревожит.

Либо ты можешь отказаться и продолжать действовать своим нынешним неэффективным способом, калеча себя.

Тогда в следующий раз тебя найдутся не я, а твоя куда более рассерженная бабушка или полиция, которая увезет тебя напрямую. Ситуация станет еще менее подконтрольной.

Он не угрожал, а лишь констатировал возможные последствия каждого из двух вариантов.

Сюнь Хуо молча опустил голову, глядя на запекшуюся кровь на своем запястье, а затем на зажатую в руке шестерёнку.

Долгое время спустя он поднял руку и грязно-серым рукавом яростно стёр с лица остатки слёз и соплей, после чего больше ничего не сказал.

Вэнь Чэньцю понял: это согласие.

— Ну пойдём.

Вэнь Чэньцю повернулся и зашагал к выходу, его шаги гулко разнеслись в тишине.

Сюнь Хуо немного помедлил, но в конце концов неохотно поднялся, отряхнул брюки от пыли и молча поплелся слеза, держась на расстоянии двух-трех шагов.

Они шли друг за другом по заброшенному заводу, залитому лучами заходящего солнца.

Голос Вэнь Чэньцю донёлся спереди — негромкий, но отчётливо прозвучавший в ушах Сюнь Хуо:

— Манера бабушки выражать эмоции вряд ли изменится в ближайшее время. Но то, о чём мы договорились, ты должен выполнять.

— Это значит, — он чуть замедлил шаг, повернул голову и бросил взгляд искоса на идущего позади подростка, — что сейчас ты вернешься со мной, а потом скажешь бабушке: «Я вернулся, в следующий раз буду заранее звонить, когда ухожу, и больше не стану так бегать».

Он сделал паузу и спросил:

— Сможешь?

Сюнь Хуо опустил взгляд на железную стружку под ногами и едва заметно кивнул:

— ...Смогу.

—

Когда Вэнь Чэньцю вернулся от полицейского участка к подъезду своего дома, небо уже совсем стемнело.

Он поплелся к своей двери тяжелой поступью, как вдруг на секунду замер, соображая.

Черт.

Он же ещё не «покормил» Му Юньцзюэ!

Череда сегодняшних неожиданных происшествий заставила его выкинуть это из головы.

Он торопливо достал телефон, свет экрана больно резанул глаза в полумраке лестничной площадки.

Нажал на диалоговое окно с контактом, подписанным как «сосед-Му Юньцзюэ».

Его пальцы застучали по экрану:

□Вэнь Чэньцю: Прости, прости, сегодня в школе пропал ученик, только что разобрался и вернулся домой. Ты ужинал?□

Сообщение улетело, а через несколько секунд пришел ответ:

□Му Юньцзюэ: Ничего страшного, поел. Если устал, можешь не беспокоиться обо мне.□

Вэнь Чэньцю перечитал эти слова и приподнял бровь.

Судя по тому скудному опыту общения с этим соседом за последние два дня, правдивость фразы «поел» стремилась к нулю.

К тому же, даже если он действительно поел, то наверняка перекусил кое-как на скорую руку.

Он бросил взгляд на время: почти девять вечера.

Сам он тоже не ел, в желудке было пусто.

Отпирая дверь и заходя внутрь, он продолжил печатать:

□Вэнь Чэньцю: Я еще не ужинал. Сварю по-быстрому лапши, займет минут десять не больше. Не хочешь зайти перекусить вместе?□

На этот раз ответ пришел еще быстрее:

□Му Юньцзюэ: Хорошо.□

Кратко и решительно, без малейших колебаний.

Вэнь Чэньцю невольно усмехнулся и покачал головой.

Этот парень... и правда не ел, а еще хорохорится.

Он переобулся в домашние тапочки и сразу прошел на кухню.

Ловко поставил воду на огонь, и вскоре две дымящиеся тарелки с простой лапшой в прозрачном бульоне были готовы. В каждой красовалось по золотистому яйцу с хрустящими краешками, посыпанные изумрудными перьями зеленого лука, а на чистой глади бульона плавали капельки кунжутного масла.

Он перенес обе тарелки на обеденный стол, сфотографировал и отправил снимок Му Юньцзюэ:

□Всё готово, заходи.□

Менее чем через минуту у двери раздался стук.

Вэнь Чэньцю подошел и открыл дверь.

Му Юньцзюэ стоял на пороге, при свете лампы в подъезде его лицо казалось еще более бледным, чем днем, а под глазами залегли заметные тени усталости.

— Прости, — Вэнь Чэньцю отступил в сторону, пропуская его внутрь, с виноватой улыбкой на лице. — Сегодня так поздно вернулся, наверное, совсем проголодался?

Му Юньцзюэ покачал головой, вошел в квартиру, и его взгляд непроизвольно в первую очередь упал на две тарелки на столе:

— Нет.

Его голос звучал намного лучше, чем днем: хотя легкая хрипота еще не до конца прошла, казалось, ему стало гораздо лучше.

— Садись скорее, пока горячее.

Вэнь Чэньцю пригласил его за стол и подвинул одну из тарелок:

— Простое блюдо, не обессудь.

Му Юньцзюэ взял палочки для еды, глядя на прозрачный бульон в тарелке, золотистое яйцо и поднимающийся от еды пар:

— ...Пахнет очень аппетитно.

— Вот и отлично, ешь давай.

Вэнь Чэньцю сел напротив, тоже взял палочки и подцепил прядь лапши, слегка подув на нее.

Некоторое время в ночной квартире были слышны лишь тихие звуки еды и легкий стук палочек о фарфор.

Му Юньцзюэ поднял голову и посмотрел на Вэнь Чэньцю — его глубокие темные глаза в теплом свете столовой лампы казались необычайно тихими.

<http://bllate.org/book/25378/3025513>